

Вадим Баранов

Д Е Р Е В Ъ Я

I

Деревья. Деревья. Деревья.
Деревья. Их корни. Их ветви.
Деревья. Кора и деревья.
И корни. И сучья. И ветви.

...растут у нас за спиною,
и где-то под нами их корни,
они отнимают пространство,
которое наше по праву;
деревья нас вытесняют.
Они разрушают стены,
по стенам змеятся трещины
они сдвигают предметы,
те, что из самых тяжелых,
те, что нам с места не сдвинуть.
Стоять им — не меньше движенья,
не больше чем падать и мыслить,
Деревья. Их ветви. Их дища.
И корень — моление о кроне.
И крона — преданье о корне.
И птицы без права на вечность.

Деревья стоят за спиною,
воруя у нас пространство,
они сквозь асфальт прорастают.
Вот как это бывает.
Вначале неровность, холмик,
трещина, малый кратер,
потом дрожит заостренный
хищный зеленый росток.
А после — кора и корни,
сращенье Земли и Неба,
висенье — вцепившись в небо —
над черной пастью земли.
Случается, дерево срубят,
хоть это бывает редко,
и дерево станет руной,
их — старших — двадцать четыре.
Младших — много больше,

они запасаются точками,
их линии более плавны,
сращение им знакомо,
многообразны значенья,
и в том их отличие от старших,
но от природы деревьев
уж нет в них почти ничего.
Деревья. Призраки. Руны.
Борозды в камне. Руны.
Могильные камни. Могильник.
Деревья. И руны: "Я, эриль..."

...Кто там стоит за спиною,
тянет руки и руки,
кто стоит за спиною
и держит ладони у глаз.
Кто склонился над ухом
и имя пытается, имя,
и промолчать невозможно,
и, Боже! — солгать нельзя.

Треск от сломанных сучьев,
треск сгорающих бревен,
треск свинцового града,
пенье серебряных пуль.
Треск сливается с треском,
шесть свое отпели,
и ливень свинцовый хлещет
и хлещет по летней листве.
Ночь неблаженные эти
селенья осыпет дробью,
в каждом маленьком теле
плавает капля свинца...
Деревья не плачут о ближнем,
в родство деревья не верят,
им братство — не больше неволи,
а равенство — хуже братства,
не ждут, что придет и для них...

Умея владеть и править,
они и соседства не ищут,
но лес — не собрание нищих,
не способ сойтись на одних лишь...
Он — форма признанья, за коей
дерева не сыщешь.
Он связан ссгласным звучаньем,
единой системой сосудов,
сквозным протеканием соков
сквозь видимость тел и различий
и сквозь стволов подобье,
где корни — лишь видимость Корня
и кроны — лишь образы Кроны,
и в кронах жилы на птичьих
правах. Их малые смерти. Их голос.

Паренье таит опасность.
Воздух — преддверие ада.
Это уже не небо
и еще не земля.
Воздух — особое место,
здесь птицам довольно работы,
они как "Свободу" глушат
вопли мятущихся душ.
К небу им не подняться
с каплей свинцовой в сердце,
и не спуститься на землю —
проклят птичий народ.
Только собравшийся в крону
их принимает воздух.
Ветви. Воздушные токи.
Птичьи селенья. Птицы.
Крона иссечена криком.
Стволы. И ветви. И корень.
И полночь стреляет влет.

2

Зачем я режу руны,
зачем деревьям память
о тех, чьи тела изрублены,

чьи сучья сгинули в пламени.
Оплакать — не более пепла,
не меньше любви, не меньше
чем "*resurrexit*". На вечность
любви не хватает тела.
Лишь здесь и сейчас. Лишь руны:
"Поющая... птица... погиб он
коварною смертью" и дальше:
"Я, Храбнар, здесь схоронил сына..."

Скорбеть о деревьях в пустыне,
чертить на песке о прошедшем,
сложить костер в пустыне,
и сыпать песок на золу.
Я видел, как рубят руки,
схватившиеся за небо,
и как исчезает тело
в черной пасти земли...
Деревья. Стволы обреченных.
Отрублены ветви по локоть.
Земля. И над ней и под нею
Деревья. Их кроны. Их корни.

Священные эти бревна
пожрет взбесившийся пламень.
Но Небо не примет жертвы,
Земля не примет костей.
Кости с каждым годом
будут белей и белее
и лет через десять станет
больно на них смотреть.
А лет через сорок такое
пойдет от них сиянье,
если кто посмотрит,
ослепнет в тот же час.
Но это — кости. Души же
свечение едва различимо,
душа о доме не помнит,
не помнит о времени том,

когда еще и не знала,
правда ль она отделима,
не знала, что *zad* — дорога,
не знала, что *naud* — нужда.

Какой там — *ar* — срок отпущен,
hagar — град — хлеба повыбьет,
и *logr* — вода расступится,
или станет — *iss* — льдом.
На большее руи не хватит:
ломом о мерзлую землю
разве что *thorn* назовется,
означит ли *fcob* — с конфискацией,
но все же *ass* — не Бог.
Дерево чертит рукою
планы захвата власти
с проектом уничтоженья
форм эфемерной жизни
и с приложением трактата
"О новых значениях слов".
И новую весть внимая,
новым значением исполнен,
новый и обновленный
по миру мир пойдет.
Земля. От земли — деревья.
Над нею простертые ветви.
Сплетенье корней. Сплетенье
Рук и корней. И тел.

Земля. Это время с шуршаньем
проходит сквозь корни, проходит
сквозь бредни деревьев, сквозь сети,
поют в небесах провода.
Чьи-то тела остаются,
они уже вне потока,
они достаются деревьям,
а их потери — не в счет.
Течение, оно чем дальше,
тем все слабей, всё чище,

а встречный поток все сильнее,
смыкает, уносит, несет...
Столбы — обелиски деревьев,
одною связанными цепью,
что оборону держали
и были убиты все.

...они скрепляют пространство,
пространство готово распасться,
натягивает внезапно
провисшие провода.
Висеть — не больше чем падать,
не меньше чем жить, не меньше
чем память о мертвых деревьях. Их кроны
ночами светлей неба.
Падения страх не больше
чем ужас висеть над бездной
без памяти, без надежды,
не зная где верх, где низ.
Законом всемирного отвораченья
телам придано ускоренье
свободного висенья. Телом,
рукою, взглядом, листом,
листом, листовою пластиной,
именем, окликом, взглядом
заткнуты дыры в пространстве,
пространство все больше ветшает,
и меньше его с каждым днем.

Если приходят ночью,
если окликнут по имени,
если к утру уходят,
если с собой ведут,
значит и тайны не было,
значит и имя — известно,
и просто приходит время,
приходит время, пришло.
Что было? Жизнь? Деревья?
Деревья. Столбы и дорога.
Столбы. Промежуток меж ними

одним висением полн.
Висенье — итог и начало,
висенье творит пространство,
его обнаружив семя
в той капле, что бьется внутри.
В той капле поместится только
начало. Начало отсчета.
Она прошита, просечена
спицами трех ссей.
Так что же они обещают
ценою распятого пульса?
Висенье? И жизнь. И паренье.
Столбы? И дорогу. И жизнь.

.....